

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№2—1964

В. А. ВАЗЮЛИН

К ВОПРОСУ О «МЕХАНИЗМЕ» РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Нарастающая лавина научных исследований в современную эпоху, проникновение науки во все более отдаленные от непосредственно окружающей человека среды области требуют, в частности, дальнейшей детализации изучения «механизма» развития теории. Чрезвычайная сложность и многосторонность теоретического познания заставляют нас выделить для рассмотрения лишь некоторые вопросы. Ниже мы остановимся на своеобразии процесса теоретического познания сравнительно с его результатом и на специфических противоречиях развивающейся теории, исчезающих тогда, когда она принимает более или менее заверченный вид. Такого рода противоречия относятся к области, субъективной диалектики. Они не имеют непосредственного аналога и объективной действительности и на поверхности проявляются так же, как формальнологические противоречия, хотя и не являются ими.

В нашей литературе¹ эти противоречия нащупываются, но, к сожалению, не указываются отчетливо ни их источник, ни их стороны. М. М. Розенталь сам, видимо, чувствует недостаточную определенность своего решения. Изложив свои взгляды по данному вопросу, он пишет: «Может быть, после сказанного некоторые читатели хотели бы сделать еще один вывод, а именно тот, что нет смысла считать рассмотренные выше противоречия логическими, поскольку за такими противоречиями скрываются объективные диалектические противоречия действительности»². И далее, не выдвигая никаких дополнительных аргументов, автор лишь предостерегает читателя, что такой вывод был бы неправильным.

Выводы советских авторов по проблемам диалектической логики в значительной мере строятся на материале «Капитала» К. Маркса. В настоящее время уже имеются глубокие работы, раскрывающие логику «Капитала». Однако осознанно или неосознанно в них почти ничего не говорится, о логических проблемах в других политэкономических

¹ См., например, М. М. Розенталь Принципы диалектической логики. Соцэргиз, 1960; П. В. Копнин. Диалектика как логика. Изд-во Киевского ун-та, 1961.

² М. М. Розенталь. Ук. соч., стр. 341.

трудах К. Маркса, ибо предполагается, что логика «Капитала» исчерпывает всю логику исследования К. Маркса. Выходит, что обращение к предшествующим работам великого мыслителя будто бы не может дать ничего существенно нового по сравнению с рассмотрением логики «Капитала». Нам представляется, что логика исследования К. Маркса до написания «Капитала» имеет ряд существенных моментов, которые нельзя обнаружить, анализируя только «Капитал».

Попытка выявить специфику этой логики по сравнению с логикой «Капитала» тотчас же приводит к вопросу о специфике процесса возникновения теории по сравнению с ее результатом. Очевидно, речь идет об одном из аспектов проблемы исторического и логического. Историческое — возникновение теории, процесс исследования в отношении к объекту, логическое — возникшая теория, результат исследования в отношении к объекту. Возникновение и развитие теории есть переход от старого качества знания к новому, возникшая теория есть возникшее новое знание.

Рассмотрим специфику логики перехода от старой теории к новой по сравнению с логикой новой теории, или специфику перехода от менее глубокого уровня теорий к более глубокому. При этом необходимо предварительно подчеркнуть следующие обстоятельства. Одна из основных (если не основная) закономерностей развития теории — осмысление фактов в процессе критики уже сложившегося объяснения системы понятий. Новая теория, как и всякий более глубокий уровень ее, не образуется непосредственно из фактов, а только через посредство переработки старой теории или прежнего уровня новой теории. Поэтому связь теории с фактами отнюдь не проста и не непосредственна, а сложна и опосредована, опосредованность же связи растет по мере развития теории; Не случайно, что в современной физике, все более удаляющейся от мира, непосредственно доступного человеку, и вынужденной строить все более сложные цепи рассуждений, связывающих теорию с экспериментом, с фактами, получило права гражданства разделение на «теоретиков» и «экспериментаторов».

Известно, что формы общественного сознания, идеологии, хотя и определяются в конечном счете развитием материальных условий жизни общества, имеют относительно самостоятельные закономерности развития по отношению к отражаемому ими экономическому базису и обратно воздействуют на него. Аналогичное положение мы наблюдаем и в развитии познания, мышления, теории, исследования. Научная теория вырастает и развивается в конечном счете в рамках определяющего влияния материальной общественной практики и доставляемых ею фактов. Но она обладает и своими собственными, в известной мере самостоятельными закономерностями по отношению к данному уровню общественной практики и к изучаемому конкретному объекту.

Отрицание относительно самостоятельных закономерностей развития формы общественного сознания, идеологий, научной теории означает забвение их специфики. До геркулесовых столпов в этом вопросе доходят вульгаризаторы и позитивисты, сводящие теорию к голым фактам или их поверхностному описанию. Обращение к исследованию относительно самостоятельных закономерностей развития научной теории позволяет обнаружить ее специфику по сравнению с простым описанием, с экспериментальным исследованием, по сравнению с данным уровнем общественной практики и выбить оружие из рук вульгаризаторов и позитивистов.

В дальнейшем мы остановимся на относительно самостоятельных закономерностях логики переход а к новой теории (или к ее более глу-

бокому уровню), специфичных для нее сравнительно с логикой результата этого перехода.

Процесс исторического исследования (историческое) — переход от незнания к знанию, от знания менее глубокого к знанию более глубокому. Результат теоретического исследования (логическое) — знание, более глубокое знание. В результате теоретического исследования не сохраняется одна из противоположностей процесса (незнание, менее глубокое знание) и специфическое единство этих противоположностей (незнания и знания, менее глубокого знания и более глубокого знания). В нем сохраняется только одна из противоположностей, и при этом в преобразованном виде, ибо другая противоположность исчезает.

Логика «Капитала» — логика изложения по преимуществу р е з у л ь т а т а исследования. К. Маркс в «Капитале» изображает предмет, уже в о с н о в н о м известный ему. Поэтому для читателя «Капитала» закономерности процесса исследования выступают в том виде, в каком этот процесс сохраняется в результате. Однако функционирующий результат не только не сохраняет всех необходимых условий и сторон процесса, но, более того, попытка воспроизвести процесс на основании данных результата неизбежно приводит к пониманию некоторых сторон процесса, прямо противоположному действительности. Говоря о происхождении денег из товара, Маркс отмечает что с завершением процесса возникновения денег «создается впечатление, будто не данный товар становится деньгами только потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, будто бы. эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги. Посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа. Без всякого содействия со своей стороны товары находят готовый образ своей стоимости в виде существующего вне их и наряду с ними товарного тела»³.

Этот тип отношения процесса к результату Маркс распространяет на все соотносительные определения. «Такие соотносительные определения представляют собою вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они — подданные потому, что он король»⁴. Соотносительность определений, понятий — одна из важнейших черт мышления, отражающего предметы в их развитии, взаимосвязи, взаимоотношении.

Итак, понимание процесса, развития, базирующееся, на рассмотрении только его результата, неизбежно содержит ряд моментов, прямо противоположных действительному процессу развития. Познание логики процесса исследования К. Маркса на основании только изучения «Капитала» (результата исследования) еще недостаточно для глубокого и всестороннего исследования логики Маркса.

Изучение логики предшествующих «Капиталу», работ сравнительно с логикой «Капитала» нужно для более правильного понимания ее м выявления логики перехода К. Маркса от знания менее глубокого к знанию более глубокому, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д.

Взаимоотношение процесса и результата развития данного объекта изучения не тождественно взаимоотношению процесса и результата их исследования. Исследование может быть направлено или на результат развития, или на его процесс, или на то и другое. Познание развиваю-

³ К. Маркс. Капитал, т. 1, 1951, стр. 99—100.

⁴ Там же, стр. 64.

щегося предмета, если с ним встречаются впервые, начинается с результата его развития, с его более сложных форм, а не с процесса, не с более простых форм Предмета. При этом мышление фактически или сознательно исключает рассмотрение более простых форм предмета. Маркс указывает по этому поводу: «Они (физиократы.— В. В.) рассматривают, стало быть, вопрос в сложной форме, прежде чем они разрешили его в элементарной форме; так историческое развитие всех наук только через множество перекрещивающихся и окольных путей приводит к их действительной исходной точке. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем она заложила его фундамент»⁵.

В предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» Маркс снова возвращается к этой мысли: «Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2000 лет, в то время как анализ гораздо более содержательных и сложных форм ему удался, по крайней мере, приблизительно. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела». Маркс непосредственно вслед за этим добавляет: «К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»⁶.

Может возникнуть мнение, что применение микроскопа, химических реактивов и т. п. в естественных науках позволяет избавиться от необходимости двигаться в познании предмета вначале от сложного к простому в нем. Обратимся к примеру из истории естествознания. Известно, что первоначально была познаны законы, классической механики и лишь затем создана новая механика. Любопытно, что именно классическая механика оказалась предельным случаем квантовой механики, а не наоборот. А это значит, что именно законы квантовой механики справедливы для области, охватываемой законами классической механики, но с известными ограничениями, т. е. с усложнениями. Следовательно, законы классической механики могут быть объяснены с точки зрения законов квантовой механики в качестве их частного случая, т. е. с определенными усложнениями.

Мысль Маркса до написания «Капитала» также движется от сложных сторон предмета к простым. Например, к пониманию товара как исходной клеточки буржуазного общества Маркс приходит довольно поздно, лишь после написания рукописи 1857—1858 гг., и выражает это положение впервые в первом опыте систематического изложения для печати своих политэкономических взглядов—в «К критике политической экономии». То же самое справедливо и в отношении последовательности познания К. Марксом форм стоимости. Маркс в письме к Энгельсу, характеризуя разницу в решении проблемы стоимости в «К критике политической экономии» и в первом томе «Капитала», пишет: «В первом изложении... я избегаю трудности развития тем путем, что собственно анализ *выражения стоимости* даю только тогда, когда это выражение выступает в развитом виде, как денежное выражение»⁷. Следовательно, в «К критике политической экономии» уже рассматривается наиболее сложная форма стоимости, но еще отсутствует учение о менее развитых формах ее. Стало быть» Маркс

⁵ К. Маркс. К критике политической экономии, 1949, стр. 46.

⁶ К- Маркс. Капитал, т. I, стр. 3 — 4.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма, 1948, стр. 189.

в «К критике политической экономии» до известной степени абстрагируется от процесса возникновения денег. Он не рассматривает «механизм» перехода от товара к деньгам. Сознание может двигаться последовательно от простых сторон своего объекта к более сложным лишь после того, как исследование предмета в основных чертах закончено. «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение»⁸. Действительное же движение, развитие, если оно прогрессивно,—движение от простого к сложному.

Таким образом, познание необходимо начинается с изучения результата развития и отвлекается (познать все сразу невозможно) от процесса развития. В результате исчезают следы некоторых сторон процесса, эти стороны превращаются в свою противоположность. Поэтому представление о процессе на основании исследования результата развития предмета будет содержать черты, прямо противоположные сторонам познаваемого объекта. Только путем рассмотрения истории, процесса развития предмета устраняются эти противоположные действительности представления. Так изучение логики предшествовавших «Капиталу» работ сравнительно с логикой «Капитала» помогает глубже понять логику процесса исследования К. Маркса в «Капитале».

Как отмечалось выше, процесс исследования есть переход от незнания к знанию, от знания менее глубокого к знанию более глубокому, переход от старого качества знания к новому, единство и взаимоисключение этих противоположностей; результат исследования—более глубокое знание, качественно новое знание. Таким образом, процесс исследования отличается от результата прежде всего тем, что в последнем исчезает незнание, менее глубокое знание и противоречие между незнанием и знанием, между менее глубоким и более глубоким знанием. В результате сохраняется только одна сторона единства противоположностей—знание, более глубокое знание,—причем в преобразованном виде, ибо противоположности едины и исчезновение одной из них есть вместе с тем преобразование другой.

Моменты известной приближенности знания скрыты в результате исследования и обнаруживаются лишь тогда, когда он становится исходным пунктом нового процесса. Старое качество предмета (в том числе познание) имеет свою специфическую необходимую связь сторон, отличную от специфической необходимой связи сторон нового качества. Это же верно и относительно разных уровней исследования: Поэтому вскрыть закономерности перехода от одного уровня познания, исследования к другому, более глубокому нельзя, если обращать внимание только на то, что сохраняется в результате исследования, и на необходимую связь его (результата) сторон. Необходимо также обнаружить специфический и необходимый строй менее глубокого уровня исследования и те его стороны, которые исчезают на более глубоком уровне. Именно эти исчезнувшие на новом уровне моменты исследования составляли одну {исчезнувшую} из сторон противоречия перехода к новому знанию, п р о ц е с с а исследования. Обычно же внимание привлекает лишь знание, сохраняющееся на новом, более глубоком уровне исследования. А исчезнувшие моменты менее глубокого уровня лишь упоминаются, но не изучаются в их единстве с сохраняющимся знанием.

⁸ К. М а р к с. Капитал, т. 1. стр. 19.

Естественно в борьбе с релятивизмом подчеркивать именно сохраняющееся знание. Но разве столь же правомерна передача на откуп всякого рода идеалистическим направлениям факта и с ч е з н о в е н и я отдельных моментов старых теорий в новых теориях?

Таким образом, одно из основных отличий процесса исследования от его результата заключается в противоречии процесса исследования, исчезающем в результате, в противоречии между незнанием и знанием, между менее глубоким и более глубоким знанием. Исчезновение в результате исследования не только противоречия процесса исследования, но и ряда сторон менее глубокого знания свидетельствует о том, что исчезнувшее знание составляло одну из сторон противоречия процесса исследования, что без него исчезает и это противоречие. Если сохранение, преемственность старой и новой теории свидетельствует о точном отражении данного объекта, то исчезновение, некоторых сторон старой теории указывает на приближительность этого отражения, на существование в старой теории моментов, не соответствующих данному предмету. Именно наличие в старой теории положений, не соответствующих каким-либо сторонам ее объекта, и существование в новой теории положений, правильно, точно объясняющих те же стороны того же объекта, образуют противоречие в объяснении одних к тем же сторонам одного и того же предмета исследования.

Известно, что даже прекрасное овладение законами формальной логики не спасает ученого от противоречий самому себе исчезающих, когда построение теорий завершается. Естественно заключить, что помимо формальнологических противоречий, т. е. таких противоречий которые возникают в силу неряшливости, недисциплинированности ума, в силу тех или иных индивидуальных особенностей познающего субъекта и могут сохраняться в результате, а также помимо противоречий самого объекта изучения (они неизбежно должны сохраниться в результате исследования), существуют в познании также особого рода диалектические противоречия. От формальнологических эти противоречия отличаются тем, что они порождаются, во-первых, внутренними законами р а з в и т и я познания; во-вторых, они исчезают в результате познания; в-третьих, они поэтому не могут быть обнаружены путем изучения только результата познания. Этих противоречий нет в самом данном предмете изучения, иначе они не исчезали бы в результате познания. Непосредственно они ничего в данном предмете не отражают. Объективны они лишь в конечном счете, ибо происходят в результате взаимодействия особого тела природы — мозга человека (человека, представляющего собой целостный организм) — с остальной природой в процессе материальной- общественной практики.

Обычно фиксируют лишь одну сторону противоречия процесса исследования, а именно ту, в которой точно отражается объект. Но с этих позиций на противоречие процесса познания можно в лучшем случае лишь указать, а не вскрыть его логическую природу в отличие от противоречия самого изучаемого материального предмета.

Из сказанного выше следует, что это логическое противоречие процесса познания может существовать лишь при том условии, что старая теория, менее глубокое знание в объяснении своего предмета выходит за пределы своей применимости и начинает объяснять со своей точки зрения то, что возможно адекватным действительности образом объяснить лишь с позиций более глубокого знания. Речь идет об экстраполяции старого уровня знания на пределы действия более глубокого, нового уровня познания. Без такой экстраполяции невозможен переход от известного к неизвестному, ибо всегда неизвестное вначале

нельзя объяснить иначе, как пытаясь применить к нему известное. Новизну явления нельзя постигнуть иначе, как по мере обнаружения невозможности применить к нему старые теоретические концепции. Границу, сферу применимости известного невозможно определить точно, пока познающий не выйдет за ее пределы, т. е. пока не познает неизвестного.

П. Ланжевен очень четко писал о необходимости распространения понятий классической механики на атомные и субатомные объекты: «В этом случае мы поступили так, как поступают физики во всех тех случаях, когда им приходится столкнуться с совершенно новым явлением: мы попытались объяснить неизвестное с помощью уже известного и использовать в данном случае представления, оказавшиеся пригодными для объяснения других явлений. Другого пути не существует, и лишь неудача такой попытки заставляет пересмотреть проблему с самого начала и искать выхода на пути создания совершенно новых представлений»⁹.

М. М. Розенталь, приведя на стр. 290 книги «Принципы диалектической логики» эти слова Ланжевена, подвергает их сомнению. М. М. Розенталь полагает: «Слова о том, что «другого пути не существует», представляются нам слишком категоричными. Нам кажется, что положение диалектического материализма о том, что качественно специфическим объектам присущи свои особые закономерности, предохраняет до некоторой степени от силы инерции в познании и ориентирует на сознательное исследование своеобразных законов движения этих объектов»¹⁰. Иными словами, экстраполяция известного на неизвестное — всего лишь сила привычки, инерции мышления. Трудно согласиться с этим утверждением. Применение положения о качественной несводимости нового явления предполагает знание о том, что ученый имеет дело именно с н о в ы м предметом. Но ведь именно экстраполяция известного на неизвестное и неудача ее позволяют выяснить новизну явления.

Как свидетельствует история физики за последние 150 лет, значение всех принципиально новых явлений, открытых в это время, осознавалось лишь спустя 20—30 лет в процессе неудачных попыток применить к ним прежние теоретические концепции. Экстраполяция представления о веществе с объяснения массы на объяснение теплоты породила учение о теплороде. И именно в процессе критики теории теплорода возникло понимание того, что теплота является не веществом, а энергией и что она подчиняется качественно своеобразным законам. Теория теплорода после этого исчезла, но она была необходима в п р о ц е с с е физического познания.

Такова же природа и судьба учения об электрических жидкостях после выявления качественной несводимости законов электричества к законам простого механического движения. Еще пример. Теория относительности возникает уже в тот период, когда идея о сводимости всех физических явлений к механическим потеряла доверие передовых физиков (в том числе и Эйнштейна). Однако становление теории относительности происходит в процессе обнаружения противоречий старой механической теории и нового объяснения новых фактов, противоречий, одной стороной которых является экстраполяция механической теории за. области ее применения. Понятие, эфира возникло как резуль-

⁹ П. Ланжевен. Избр. произв. Статьи и речи по общим вопросам науки. ИЛ. 1949, стр. 351.

¹⁰ М. М. Розенталь. Ук. соч., стр.290.

тат экстраполяции механических представлений за область их применимости. Но именно трудности и неудачи в интерпретации световых явления при помощи представления об эфире дали возможность не только отбросить его, но и выявить те пункты, где следует искать новое теоретическое объяснение. Эйнштейн и Инфельд весьма прозрачно показывают, как попытка применить классическое преобразование координат и скоростей к световым явлениям, придя в противоречие с другими принципами, достаточно проверенными фактами, позволила точно выявить исходные принципы теории относительности и потребовала изменения принципа классического преобразования в случае его применения к световым явлениям¹¹.

Эта удивительная живучесть «силы инерции» мышления настораживает. Возникает предположение: является ли экстраполяция известного на неизвестное лишь силой привычки механически мыслящих ученых или имеет более глубокую основу? Если отвергнуть это предположение, то покажется удивительным, что знание диалектического материализма и стремление его придерживаться не предохранили крупного физика П. Ланжевена от приведенного категорического утверждения в столь важном для него вопросе. Еще более интересно, что при сравнительном изучении «Капитала» и «К критике политической экономии» величайшего мастера и первооткрывателя материалистической диалектики К. Маркса обнаруживается, как мы попытаемся показать ниже, такое же противоречие процесса познания, исчезающее в «Капитале». Выше было приведено свидетельство самого К. Маркса о том, что в «К критике политической экономии» проблему выражения стоимости он ставит, рассматривая только денежное, т. е. заверщенное, выражение стоимости, где трудность, выражения уже разрешена, и опускает сам процесс разрешения трудности. Маркс пытается непосредственно вывести деньги из стоимости. Более простые формы стоимости еще не рассматриваются в развернутом виде в «К критике политической экономии». Денежное выражение стоимости экстраполируется на сферу действия стоимости простого товара и простых форм его выражения. «Труд отдельного человека, чтобы иметь своим результатом меновую стоимость (так еще называет Маркс стоимость.—В. В.), должен иметь своим результатом всеобщий эквивалент, т. е. выражение рабочего времени отдельного человека как всеобщего рабочего времени или выражение всеобщего рабочего времени как рабочего времени отдельного лица»¹². Иными словами - труд, чтобы породить стоимость, должен вместе с тем породить денежные свойства товара.

Далее же Маркс говорит: «Непосредственная меновая торговля — первоначальная форма процесса обмена,—представляет собою начало превращения потребительных стоимостей в товары, а не товаров в деньги»¹³.

В «Капитале» доказывается, что для существования стоимости товара отнюдь не обязательно, чтобы она обладала только денежной формой выражения; стоимость, товара может существовать и в других формах выражения (простой, полной, всеобщей). Углубление познания привело Маркса к созданию им учения о формах стоимости, к устранению экстраполяции высшей (денежной) формы проявления содержания (стоимости) на область, где на самом деле действуют менее развитые формы содержания (Маркс устраняет также известное отожде-

¹¹ См. А. Эйнштейн и Л. Инфельд. Эволюция физики. Гостехиздат, 1956. стр. 177—178.

¹² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 17.

¹³ Там же, стр. 38.

ствление высшей формы *проявления* содержания с самим содержанием).

Мы склонны утверждать, что экстраполяция известного за область его применимости, на неизвестное — необходимый момент логики процесса исследования, момент, составляющий одну из сторон противоречия процесса познания. Забвение этой стороны означает, что ученый, стремящийся к осознанию процесса познания, опускает одну сторону специфического противоречия процесса исследования. Тогда ускользает от него и определенность противоречия именно как субъективно логического, не имеющего непосредственного аналога в данном предмете исследования.

Экстраполяция имеющегося знания на область неизвестного обязательно в тех или иных отношениях представляет собой выход за пределы его применимости, и тем больше этот выход чем больше отличается подлежащая познанию область от познанной. Следовательно, такая экстраполяция—некоторая абсолютизация истины. Можно заметить, что экстраполяция известного на неизвестное содержит правильное понимание неизвестного, поскольку в нем, как показывает результат исследования, имеется единство, общность сторон с ранее известным. Но она содержит и неправильные представления о неизвестном, поскольку, как показывает также результат исследования, неизвестное отличается от известного. Такого рода экстраполяция в широком смысле—единство обеих этих сторон. Экстраполяция же этого типа в узком смысле—вторая из сторон. Но в процессе преодоления этой экстраполяции описанное выше логическое противоречие возникает не потому, что существует первая сторона, а потому, что экстраполяция в узком смысле слова вступает в противоречие с правильным объяснением того же самого. Ниже мы будем говорить только об узком смысле такой экстраполяции.

Возникает искушение охарактеризовать описанную абсолютизацию, экстраполяцию истины как ошибку или заблуждение.

Как представляется, ни тот, ни другой термин в этом случае не был бы верен. Ошибка или заблуждение вызывается, во-первых, индивидуальными, случайными причинами (например, недисциплинированностью, неряшливостью, ума); во-вторых, ошибка или заблуждение есть «расхождение субъективного образа действительности с его объективным прообразом», «исторически, обусловленное, а потому и исторически преодолеваемое». «Типичными формами заблуждения являются религия и философский идеализм»¹⁴.

Верно, на наш взгляд, авторы статьи «Заблуждение» отмечают, что эти иллюзии возникают «как представления, соответствующие, узкой практике (низкому уровню развития культуры как материальной, так и духовной)». Они, «естественно, подтверждаются этой практикой, а истинное осознание действительности в ее революционном развитии делается для индивида, действующего в качестве агента узко прагматической деятельности, не только излишним, но и прямо вредным». «Марксистско-ленинская теория познания показала, что проблема заблуждения—это не только и даже не столько чисто теоретическая, сколько широко социальная проблема, полное решение которой совпадает с коммунистическим, преобразованием всех общественных условий труда, в том числе и труда ученого, т. е. с преодолением товарно-капиталистической формы труда также и внутри науки»¹⁵.

¹⁴ «Философская энциклопедия», 1960, т. 2, стр. 144—145.

¹⁵ Там же, стр. 147.

Если так определить заблуждения, логические ошибки, то описанная выше экстраполяция (известного на неизвестное) не может быть отнесена ни к тем, ни к другим. От логических ошибок и заблуждений она отличается, во-первых, тем, что вызвана отнюдь не случайными, не индивидуальными причинами. С исторически неизбежными заблуждениями или ошибками она имеет то общее, что вызвана необходимыми причинами. Однако если последние заблуждения (религия, идеализм) исторически преходящи, ибо вызваны низким уровнем развития практики, то описанная экстраполяция—необходимая внутренняя черта всякого процесса исследования, пока она существует. Это составляет второе отличие ее от заблуждений и ошибок.

С авторами статьи можно согласиться, когда они пишут: «Абсолютизация ограниченно верных представлений, превращающая их в заблуждения, вовсе не есть имманентно присущее природе человека свойство, а только исторически преходящая тенденция сознания, возникающая на почве строго определенных исторических условий»¹⁶. Но согласиться с ними возможно лишь при том условии, что под заблуждениями подразумеваются религия, идеализм и нее их. разновидности и проявления.

Однако п е р е х о д от одной относительной истины к другой никогда и нигде не совершается без того, чтобы он не заключал выхода старой относительной истины за пределы ее применимости. Отсюда неизбежно возникает противоречие старой относительной истины с новой относительной истиной. Когда же новая относительная истина сформировывается, экстраполяция старой относительной истины за действительную сферу ее приложения устраняется и субъективно-диалектическое противоречие исчезает. Без этого выхода за пределы применимости старой относительной истины нельзя даже установить границу между ней и новой относительной истиной.

Та экстраполяция, которую мы имеем в виду, есть необходимый кусочек фантазии, отлета от действительности в каждом понятии, в каждом обобщении. «...И в самом простом обобщении,—пишет В. И. Ленин,—в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) е с т ь известный кусочек **фантазии**»¹⁷. Такой «кусочек» фантазии возникает именно потому, что познание не зеркально-мертвый акт, а процесс.

В работах отдельных советских философов в силу упрощенческого подхода гносеологическая функция фантазии в научном познании, хотя она и имеет важнейшее значение, оказалась на положении забытой Золушки.

Известно, что В. И. Ленин оценивает фантазию в научном мышлении как «качество величайшей ценности»¹⁸, говорит о наличии «кусочка» фантазии в любом обобщении, полностью солидаризируется с писаревской характеристикой мечты полезной, усиливающей энергию, и разделяет взгляд Д. И. Писарева на пустую мечтательность, которая уводит «совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может привести»¹⁹. Вместе с тем В. И. Ленин борется против «стирания грани между теорией науки, приблизительно *отражающей объект*, т. е. приближающейся к объективной истине, к теорией произвольной, фантастической, чисто условной, например, теорией религии или теорией шахматной игры»²⁰.

¹⁶ «Философская энциклопедия», т. 2, стр. 146.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 370.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 284.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 476; Д. И. Писарев, Избр. Соч., т. 2, Гослитиздат, 1935, стр. 124—125.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 297.

Таким образом, В. И. Ленин различает необходимые «кусочки» фантазии в теории, приблизительно верно отражающей объект, от чисто условной, сугобо фантастической теории религии и ей подобных построений.

Эти «кусочки» фантазии в форме экстраполяции известного на неизвестное не только необходимо возникают в процессе познания, но и составляют одну сторону его внутреннего, движущего познание вперед, противоречия. Экстраполяция известного на неизвестное — активно действующий в понятии, обобщении, суждении, умозаключении, в гипотезе «кусочек» фантазии. Известно, что уже в начале и в процессе познания какого-либо предмета исследователь стремится в фантазии представить себе, предвосхитить результат исследования, сущность предмета. Именно, эта сторона вытекает из слов Писарева. Однако это предвосхищение не может не быть предвосхищением в фантазии, ибо строится на основе вначале ограниченных данных (например, представление о движении Солнца во времена Птолемея), а потому неизбежно заключает в себе не только моменты правильного отражения предмета, но и моменты, противоречащие действительной сущности данного предмета. Лишь в ходе дальнейшего развития познания выделяются моменты противоречащего действительности отражения его, содержавшегося в предвосхищении дальнейшего пути познания. Только в результате познания полностью отделяются «кусочки» фантазии от адекватного отражения предмета. Познание вечно приближается к соответствию с действительностью. Моменты несоответствия отражения, познания отражаемой действительности составляют одну сторону в н у т р е н н е г о п р о т и в о р е ч и я п р о ц е с с а познания, вторую сторону которого образует отражение, адекватное данному исследуемому предмету.

Если исследование начинается с результата развития, с моментов относительного покоя, неизменности в предмете, а процесс развития предмета в общем и целом представляется уделом будущего исследования, то предвосхищение в познании всего предмета в целом будет содержать «кусочки» фантазии, поскольку на основании знания результата развития предмета стараются представить не только результат, но и процесс. Ряд моментов процесса представляется в прямо противоположном действительности виде: как неизменные.

Ученый, сознательно и правильно пользующийся диалектико-материалистическим мировоззрением и методом, способен совершенно верно предвосхитить главное направление будущего исследования.

Предвосхищение в главном не будет фантастическим, уводящим от действительности. Однако поскольку он, пока исследование не завершилось, не может полностью точно определить действительную границу действия процесса и результата и взаимоотношение сторон первого, то и в его предвосхищении будут содержаться «кусочки» фантазии. Чем более точным и глубоким будет выявление действительного «механизма» развития познания, в том числе и «кусочков» фантазии, возникающих при тех или иных условиях, тем больше возможности для более точного предвосхищения, предвидения дальнейшего, пути познания предмета.

Идеализм не имеет ничего общего с теми элементами, «кусочками» научной фантазии, которые имеют место в научном исследовании. Поэтому было бы неправильно отождествлять эти «кусочки» фантазии в научном исследовании с идеализмом, который уводит исследователя от реальной действительности в мир фантазии.

Экстраполяция известного на неизвестное, в отличие от фантазия»

являющейся произвольным сочетанием в сознании различных сторон действительности, имеет закономерную структуру. Если познание движется от явления к сущности и исследователь стремится предвидеть его конечный пункт, то он неизбежно, делая вывод на основании ограниченного круга явлений, представит себе поверхностно ряд сторон СУЩНОСТИ, т. е. в этих и только в этих отношениях примет я в л я ю щ е с я з а с у щ е с т в е н н о е. Например, гениальнейший мыслитель и величайший мастер диалектико-материалистического метода К. Маркс в период формирования своих политэкономических взглядов, в работе «Наемный труд и капитал» еще полностью не разграничивает понятия труда и рабочей силы, прибавочной стоимости и прибыли, в частности, менее глубокие стороны (продажа труда рабочим и прибыль) иногда выступают в качестве более глубоких, существенных (продажа рабочей силы рабочим и прибавочная стоимость). В процессе перехода к более глубокому пониманию обнаружится противоречие между являющимся, понятым в сознании как сторона существенного, и правильным осознанием явления в качестве явления. В конечном итоге экстраполяция являющегося на существенное исчезнет, а вместе с ней исчезнет и внутреннее противоречие данного процесса движения познания. Также и в движении знания от единичного к особенному и всеобщему, от формы к содержанию, от случайного к необходимому, предвидение результата будет включать не только правильное понимание будущего, но и экстраполяцию знания единичного, формы, случайного за область его действительного применения, где на самом деле функционирует, всеобщее, содержание, необходимость и т. п. Поэтому познающий субъект, в основном правильно предвидя будущее, знание, в представлении о нем, неизбежно принимает некоторые единичные стороны предмета за стороны всеобщие, некоторые случайные стороны предмета—за стороны необходимые, некоторые стороны формы — за стороны, содержания.— От типа известного знания и типа неизвестного зависит и конкретная форма экстраполяции.

Таким образом, экстраполяции в отмеченном выше смысле, — как представляется, одна из необходимых противоположностей развития исследования, а именно та, которая исчезает в результате. Основным (или одним из основных) отличием процесса познания от результата взятым с точки зрения относительно самостоятельных закономерностей развития теории, является противоречие между незнанием и знанием, между менее глубоким и более глубоким знанием. В этом противоречии одна сторона отражает предмет с точки зрения более глубокого уровня знания, а другая, будучи экстраполяцией, (здесь термин употреблен в широком-смысле) менее глубокого уровня знания на более глубокий, содержит не только правильное понимание, соответствующее более глубокому уровню, но и моменты абсолютизации менее глубокого знания. В результате исследования последние исчезают (новые моменты абсолютизации в нем обнаруживаются и устраняются в ходе последующего процесса познания, где прежний результат играет роль исходного пункта).